

Часть 3

Утром следующего дня мы с Кей встретились в лобби общежития.

— Прости, Киётака. Долго ждал?

— Не очень. Идем?

Кей поравнялась со мной и без задней мысли взяла за руку, а затем мы отправились в путь.

То, что мы шли, держась за руки, уже перестало быть редкостью.

— За вчера... Спасибо тебе за поздний вечер. Я была невероятно рада.

Слегка покраснев, Кей сильнее сжала мою руку.

— Если бы это просочилось, возникла бы небольшая неурядица.

После комендантского часа Кей оставалась в моей комнате. К счастью, на обратном пути, судя по всему, ее никто не подловил, поэтому наказания не последовало.

— Ах-ха-ха, ты прав.

Со стороны Кей мне показалась более решительной. Неужели так можно измениться за какие-то полдня?

— Тебе не было больно?

— ...Ты решил об этом спросить?

— Нельзя?

— Не то чтобы, просто... как бы сказать, уже начала привыкать.

Наливаясь румянцем, Кей от радости прищурила глаза.

— В некотором смысле я впервые через это проходила, так что не могу привести чувства в порядок. Но мне было спокойно, потому что ты, Киётака, оставался рядом вопреки комендантскому часу.

И правда, кто знает, чем бы все обернулось, не будь меня там.

— Понятно.

Возможно, благодаря вчерашнему опыту, Кей поднялась на еще одну ступеньку на пути своего взросления.

Несмотря на небольшую поддержку, теперь она может стоять на ногах и не опираться на что-либо.

Длительная реабилитация помогла ей выйти из состояния, когда она думала, что уже никогда не сможет стоять прямо. Самым важным для Кей оказалось научиться самостоятельно подниматься после падения. Как и у других учеников, ее случай уникален, и поэтому проблема не может уйти в одночасье. И все же можно сказать, что она приблизилась к цели.

— Д-доброе утро, «Кей»-чан.

Когда мы подошли к классу, уже находившаяся внутри Сато увидела Кей, вскочила с места и бросилась ей навстречу.

— А! Утречка, «Майя»-чан!

Кей взглядом отпросилась у меня, после чего, оказавшись рядом с Сато, без промедления завязала разговор.

Между ними прослеживалась неловкость, тем не менее они сразу завязали дружескую беседу, как было прежде. Или они стали даже еще ближе. От девушек исходили волны счастья, которые теперь окутывали других одноклассниц. Они не обошли стороной и тех, кто обычно не входил в их круг общения: например, Шиохару и Мии-чан, недавно столкнувшихся с трудностями.

Это отличается от Хорикиты, которая начала понемногу проявлять присущую лидеру силу – объединять большое количество людей. Здесь же способность позволяет создавать, притягивать и объединять малые группы.

Без сомнений, Кей обладает нужными для этого задатками и качествами.

Принимая в расчет обстоятельства, оказывавшие непосредственное влияние на сплоченность класса, подготовка к фестивалю продвигалась, казалось, без каких-либо препятствий. Однако неожиданное заявление с новой силой раздуло пламя.

— Эй, а правда, что наш класс собирается устраивать мэйд-кафе?! — крикнул Ике сразу с

порога.

От удивления Маедзоно даже вскочила со своего места. Об этом знала лишь небольшая группа учеников.

Инициаторы проекта – Сато, Мацушита и Мии-чан – разом переглянулись.

О мэйд-кафе знали немногие из девушек: одних утвердили в качестве персонала, к другим обращались по этому вопросу. А также Хорикита, отвечавшая за координацию на культурном фестивале. Последняя не запаниковала: она спокойно выслушала Ике.

Если бы ее реакция оказалась чрезмерной, то весь класс сразу бы узнал, что мы действительно решили организовать мэйд-кафе. То же самое относится и к другим классам.

Однако это уже не актуально, потому что последовала бурная реакция со стороны Маедзоно и остальных девушек. Кроме того, отклик был конкретно на фразу о мэйд-кафе, так что совпадение маловероятно.

— От кого ты об этом услышал, Ике-кун?

— От кого? Ну...

Маедзоно с жестким и яростным выражением лица смотрела на Ике, отчего он от страха проглотил слова.

— Да вот только что в лобби, от Ишизаки, Сузуки и... Номура, кажется. Они втроем трезвонили об этом!

— Как так получилось, Хорикита-сан? Это ведь пока должно было оставаться в тайне.

Подошла Мацушита, которая отчетливо помнила вчерашнюю встречу с Хашимото.

— Так и должно быть. Я даже подумать не могла о таком. Видимо, было слишком наивно с моей стороны.

Учитывая, что шум подняли Ишизаки со своей компанией, ответ очевиден.

— Получается, Рьюен-кун все-таки нас предал? Ты же сама говорила, что все будет в порядке, Хорикита-сан.

Когда разгневанная Маедзоно попыталась протиснуться к Хориките, дверь кабинета резко

распахнулась, и внутрь вошел слегка взволнованный Судо.

— Э-эй, сюда идет Рьюен со своими.

— ...Похоже, остается только встретить их. Вы же, ребят, спокойно ждите в классе.

Хорикита решила, что стоит необдуманно позволить посторонним участвовать в разговоре, и все только усложнится. Встав со своего места с недовольным видом, она отправилась встречать их в коридоре.

— Салют. Что, решила специально выйти и встретить меня, Сузуне?

Во главе процессии находился Рьюен, позади него шли трое: Ишизаки, Альберт и Канеда.

— Зачем ты пришел со своей грозной компанией?

— Сегодня у нас есть к вам один разговор. Так, Ишизаки?

— А-ага.

Со слегка напряженным видом Ишизаки оглянул нашу группу.

Ученики, которым было велено не покидать класс, хотели во что бы то ни стало узнать о происходящем, поэтому с нетерпением принялись наблюдать за нами. Особенно на общем фоне выделяется Маедзоно, которая сверлит взглядом Рьюена, даже не пытаясь скрыть раздражение.

— Сдается мне, они уже во всех подробностях знают, что ты с утра устроил, — улыбнулся Рьюен, интуитивно догадываясь о царящей вокруг атмосфере.

— Честно сказать, я удивлена. Как же легко тебе даются поступки, какие совсем не ожидаешь.

— Ку-ку, предсказуемость скучна, не находишь?

Рьюен любезно принялся объяснять ситуацию так, чтобы его слышали даже Ике с остальными, которые оставались не в курсе происходящего.

— Согласно твоему предложению, Сузуне, наши классы договорились сотрудничать на спортивном фестивале. Затем предполагалось, что то же самое будет и на ранних этапах культурного фестиваля.

Если быть точным, взаимодействие на культурном фестивале было моей инициативой, но это уже мелочи.

Хорикита с Кацураги как следует все обговорили и сошлись на том, что мы объединим силы и на культурном фестивале.

— Программы не должны пересекаться. Обсуждать планируемое расположение стенда. Обмениваться учениками при необходимости и оказывать поддержку. Так там было?

— Все так. Правда, к взаимной поддержке планировалось прибегнуть позже. О содержании программы вы рассказали заблаговременно, а вот вчера – о выбранном месте, — дополнил с ухмылкой Канеда.

— То есть ты с самого начала собирался нас предать. И скрывал намерения до сегодняшнего дня, потому что ждал, пока мы расскажем о запланированном месте?

— Так и есть. Ты уж извини, но я расторгаю наш договор о сотрудничестве.

— Для аннулирования сделки ты поступил весьма некрасиво. Сначала в одностороннем порядке узнал о наших планах, а потом еще придал их огласке.

— Огласке? Так-то просто Ишизаки выболтал при ребятах. То, что об этом узнали в других классах, – чистая случайность. Это же какими ничтожествами надо быть, чтобы подслушивать, а?

Одноклассники начали понемногу вникать в суть происходящего.

— Он говорит правду, Хорикита-сан? — спросил Йоске, который еще не знал о продолжающемся сотрудничестве с классом Рьюэна.

— Как раз собиралась рассказать, когда все будет окончательно решено...

Когда процесс вошел в завершающую стадию, он сразу спутал нам карты.

Теперь о происходящем стало известно всем одноклассникам, включая самого Йоске.

— Не мог бы по крайней мере раскрыть причину? В чем выгода от предательства? Или ты просто решил объединиться с Сакаянаги-сан или Ичиносе-сан?

— На спортивном фестивале я помогал вам только для того, чтобы раздавить класс А. При этом это вы побеждали раз за разом и выжали все соки. Так все было, разве нет?

Благодаря удачному стечению обстоятельств мы вместе одержали верх на спортивном фестивале, но в результате между нами образовалась разница в сто классных очков.

— Мы работали на основе договора и на равных условиях. Тоже должно было относиться и к культурному фестивалю.

— Но даже если мы и раздавим класс А, для нас это бессмысленно, потому что вы – класс В – подниметесь на их ступеньку. Много очков мы не получим, но на этом фестивале победа будет за нами. Причем с вашей же затеей.

— Хочешь сказать, с помощью мэйд-кафе? — тут же отреагировала Маедзоно, услышав ключевое слово «вашей».

— Ну, самую концепцию мы немного изменим, но в общем она будет похожей.

Все было бы не так плохо, если бы ограничилось простой утечкой нашей программы. Но если он твердо решил скопировать тему, то для класса Хорикиты это может оказаться смертельным ударом. Наверняка об этом догадались все инициаторы проекта, включая Маедзоно, а также остальные одноклассники.

Места с первое по четвертое. И сейчас он заявил, что нам придется бороться друг с другом за одно из четырех мест, за которые полагается сто классных очков.

— Выходит, ты целенаправленно собираешься устроить состязание программ, схожих по содержанию? Не думаю, что тебе будет от этого какая-то выгода.

— Тут ты права. Сражение за клиентов рискованнее создания любого другого проекта. Ну и что с того? У меня есть все расчеты, которые помогут обогнать вас по уровню продаж и выйти в топ.

Как-то не похоже, что они пришли сюда такой компанией только для того, чтобы сказать нам об этом.

— К чему я веду-то, давай сделаем наше состязание более жарким, Сузуне.

— Состязание?..

Шумиха начала разрастаться. Теперь даже не имеющие никакого отношения к происходящему ученики, вроде Канзаки, слышали, как Рьюен объявил нам войну. Судя по тому, какой интерес проявил Хашимото, об этом он узнал даже раньше класса Хорикиты.

— Класс, который зарабатывает хоть на один балл больше, получает пять миллионов частных

баллов. Занятное состязание, не находишь?

— Серьезно? Такое пари и близко нельзя назвать разумным.

— Брось, я же говорю о каких-то пяти миллионах.

Классные очки переводить по собственному усмотрению нельзя. Но приватными баллами, предназначенными для личного пользования, распоряжаться мы можем свободно. Он решил воспользоваться этим, и предложил подобное «пари».

По сути, это предложение провести отдельное состязание один на один наравне с соревнованием среди двенадцати классов.

Даже если мы проиграем, не попав на верхние строчки, но при этом победим в прямом столкновении, то получим пять миллионов приватных баллов. Это состязание и правда можно назвать занятым.

— Так-то я бы предпочел другого соперника, чтобы можно было устроить бой подороже. Но Нагумо, этот президент ученического совета, слился, сказав, что не собирается надрываться на фестивале. А на третьем году лишь классу А хватит на это духу. Не похоже, чтобы он струсил, но раз соперника найти не получилось, выбор невелик. Придется выбирать из второгодок.

— Не беги впереди паровоза. Я не собираюсь принимать твое безумное предложение.

— Что, тоже слиться решила?

— Сначала в одностороннем порядке расторг договор, потом организовал утечку. Вдобавок ко всему теперь ты решил устроить состязание, скопировав наш проект. Тут и говорить не о чем. Я начала понимать истинную причину, почему Кацураги-кун избегал вопроса о штрафных санкциях.

— Да плевать уже на это. Или же ты просто не уверена, что сможешь меня победить?

— Я такого не говорила.

— Вот как?

— Я не могу оставаться в стороне, когда ты творишь все, что только вздумается. Рассмотрю предложенное тобою пари позже.

— Ку-ку, отлично сказано, а? Буду ждать от тебя положительного ответа, Сузуне.

Похоже, Рьюен сделал все, зачем пришел, и с довольным видом покинул нас.

Присутствующие зрители, в лице Хашимото и других учеников, расступились, открыв проход для триумфального возвращения.

Как только Рьюен со своей компанией ушел, остальные ученики из других классов, наблюдавшие за происходящим, также начали расходиться.

В этот момент я пересекся взглядом с Хашимото: тот пожал плечами с легкой улыбкой на лице. Он словно говорил: «Теперь-то понятно, каково это, объединяться с Рьюеном?».

Наверняка теперь об этом знают не только второгодки, но и ученики других годов обучения.

Громкое объявление Рьюена о войне с мэйд-кафе создало напряженную обстановку. Если же в каком-то другом классе планировалось устроить тоже самое, не удивлюсь, если они прямо сейчас попытаются изменить курс. Однако мы уже проделали большую предварительную работу.

— И что нам делать, Хорикита-сан? Мы далеко продвинулись в плане подготовки...

— Неужели класс Рьюен-куна и правда собирается организовать мэйд-кафе?

С плохо скрываемым недовольством к Хориките обратились обеспокоенные Маедзоно и остальные.

— Вероятность высока. Не думаю, что это пустая угроза.

— Может, нам прямо сейчас стоит изменить наш проект? — предложил Йоске обдумать и такой вариант выхода из сложившейся ситуации.

Однако...

— Нет. Часть бюджета мы уже потратили.

Мы подготовили, что могли: например, заказали униформы горничных. Нельзя просто взять и списать со счетов потраченные средства. Если на этом остановимся, ценный актив окажется пущенным на ветер.

Как нам действовать дальше? Хорошо бы пересмотреть этот момент с учетом нехватки

времени.

Одно можно сказать наверняка: у нас невозвратные затраты.

— Нам остается только обратить ситуацию в свою пользу. Пусть это будут не пять миллионов баллов, но все равно можем воспользоваться возможностью и получить большое количество частных баллов.

Разумеется, при условии, если наши одноклассники согласятся на такое предложение. Ведь чтобы собрать такую внушительную сумму, нужна помощь всего класса.

Часть 4

Несмотря на отдельные случаи предательства и публичного раскрытия планов, как это было с классом Хорикиты, где и что будут представлять другие классы, оставалось неизвестным для широкой публики вплоть до самого дня проведения.

Но чем амбициознее программа, тем острее становится необходимость заблаговременной подготовки. Поэтому каждый класс постепенно начинает приготовления в местах расположения их проектов.

Между тем по школе начала распространяться неожиданная информация о возглавляемом Нагумо классе 3-А.

Возможно, они в принципе не собирались ничего скрывать, тем не менее пошли слухи, что их класс занял спортивный зал – то есть большое пространство, – и там представят «Дом с привидениями» и «Лабиринт» в виде одного проекта.

Соревноваться за классные очки им нет нужды. Можно сказать, они ведут себя так, словно уже одержали победу.

Скорее всего, сейчас всем заправляет не Нагумо. Классу позволено делать то, на чем сошлись мнения учеников. Похоже, они не считают победу чем-то главным, если судить по их действиям.

Даже если взглянуть издали на декорации и реквизит, понимаешь, что на них была потрачена внушительная сумма. И словно для подтверждения, класс 3-А со вчерашнего дня объявил о специальном предпоказе.

Так они начали сбор отзывов и пожеланий у всех учеников, желающих испытать дом-лабиринт с привидениями. Можно явно ощутить их твердую решимость показать гостям фестиваля программу наивысшего качества.

Как человек, который не знает о культурных фестивалях ровным счетом ничего, я бы хотел своими глазами посмотреть на программы других классов.

После окончания занятий я отправился в спортивный зал на предпоказ.

Сам он будет проходить несколько дней. Возможно, именно поэтому учеников с первого и второго годов обучения здесь было не так много, несмотря на первый день.

Из-за приглушенного света спортзал производил нетипичное жутковатое впечатление.

Когда я встал в самый конец очереди, практически сразу послышались знакомые голоса.

— Президент ученического совета не перестает удивлять. Вот так взять и показать все в открытую...

— С таким размахом так или иначе тяжело держать все в секрете. А если практика необходима, то разумно раскрыть карты на раннем этапе.

Я мельком оглянулся и увидел приближающихся Ичиносе и Канзаки.

Судя по всему, они тоже решили понаблюдать за происходящим и провести разведку, ради чего пришел и я сам.

— А...

Когда они подходили к очереди, я неизбежно попал в поле их зрения.

Ичиносе мгновенно занервничала, затем поклонилась и отвела взгляд. Канзаки молча посмотрел на нас и встал в очередь.

Между нами воцарилась неловкая тишина, а очередь все никак не хотела двигаться.

Сегодня только первый день, так что, судя по всему, у третьегодок не все идет гладко.

— ...К-кстати! Я тут вспомнила, э, об одном срочном деле. Извини, Канзаки-кун, могу я оставить тебя тут?

Совершенно очевидно, что она сказала первое пришедшее на ум, тем не менее Канзаки согласно кивнул, не став задавать вопросы.

— У-увидимся позже, — вежливости ради обратилась ко мне Ичиносе, поскольку она ни в какой ситуации не может быть хладнокровной.

Она вышла из очереди. И остались только я и Канзаки, атмосфера при этом стала тяжелой.

Даже ни о чем не догадывающиеся ученики могут догадаться о причине. А для Канзаки она и вовсе совершенно очевидна.

— Как дела? — спросил я без умысла, однако лицо Канзаки тут же помрачнело.

— Думаешь, они могут быть хорошими?

Класс Ичиносе потерял много классных очков, так что ни о каком хорошем настроении и речи быть не может.

Видимо, мой вопрос прозвучал как провокация.

Вписав свое имя, я принялся изучать правила.

Хотя правила эти только на словах таковые: больше похоже на базовые нормы поведения.

«Использование телефона запрещено. Непременно переведите его в беззвучный режим».

«Никаких громких разговоров».

«Не задерживайтесь внутри без причины».

«Не прикасайтесь руками к объектам внутри стенда».

Когда я закончил ознакомление с правилами, оказалось, что Канзаки уже вышел из очереди и встал спиной ко мне. Скорее всего, он собирается ждать возвращения Ичиносе.

Должно быть, Канзаки прикинул, что она вернется к тому моменту, когда я уйду из спортзала.

Я не стал трогать его, поставил подпись под списком правил и вошел внутрь.

Дом с привидениями сконструирован из стен, поэтому естественно, что в нем тесно и довольно сложно что-либо разглядеть.

Фонарик, должно быть, купленный в магазине фиксированных цен, был обмотан скотчем, чтобы ограничить его яркость. В качестве источника света со своей задачей он практически не справляется.

В последнее время я часто искал в интернете информацию о культурных фестивалях, но неужели можно создать что-то столь высокого качества? Честно говоря, меня поистине удивляет креативность третьегодок... вернее, конкретно класса 3-А.

Не обращая внимания на привидений, я начал внимательно осматриваться.

Звучит очевидно, конечно, но нужная атмосфера создается за счет декораций, а вот пугать приходится уже людям.

Рокурокуби* приводится в движение учеником позади как раз в тот момент, когда посетитель проходит рядом.

[П/Р: Ёкай из яп. фольклора: женщина с длинной шеей.]

Тут выпрыгивает падший воин с мечом, которым, разумеется, управляет уже другой ученик.

Несколько сцен явно находятся в разработке, это можно понять, просто взглянув на них. К началу фестиваля их наверняка не только доделают, но и повысят качество.

Взрослым проект вряд ли придется по душе, но среди семей и детей, в частности, он может оказаться довольно популярным. Высокая цена только отпугнет, но ради желаний ребенка приходится раскошелиться.

Это станет важным фактором для определения направления нашего мэйд-кафе в дальнейшем.

А я, должно быть, уже подхожу к середине маршрута.

Только не успел последовать указателю с надписью «Налево», как вдруг заметил промелькнувшую тень.

Похоже, очередное нечто собирается меня напугать.

— Бу... Уа-а-а-а?!

По задумке закричать должен был я, но выпрыгнувший призрак не обратил на это внимание и споткнулся о ступеньку, с грохотом свалившись передо мной. Этим призраком оказалась Асахина Назуна, ученица из класса 3-А.

Сперва падение показалось мне частью представления, поэтому я не стал сразу помогать ей. Но увидев, как она распласталась на полу, осознал, что это был несчастный случай.

Хотя неудивительно, в такой крошечной тьме легко оступиться...

— Больно, больно-то как!!!

— ...Ты в порядке?

Протягивать руку призраку, который по определению не должен быть живым... В каком-то смысле картина выходит действительно пугающей.

— С-спасибо... Ай-ай-ай!

Судя по всему, встать самостоятельно было сложно, поскольку она так и осталась сидеть на месте.

Я не мог бросить ее в таком состоянии, поэтому решил подставить плечо.

— Где выход?

— А? В-выход?... Здесь... наверное?..

— Если не уверена, давай вернемся ко входу.

Я запомнил весь путь от входа, поэтому даже если она обопрется на меня, выйдем мы быстро.

— Да все в порядке, доверься своему семаю... Угха!.. — воскликнула она от боли.

А все потому, что понапрасну сделала вид, будто ничего не произошло, и встала как ни в чем не бывало.

Ее слова прозвучали крайне неубедительно, но лучше, наверное, послушаться. Скорее всего, так будет быстрее.

Несколько раз мы свернули не туда, но все-таки я вывел наружу семаю, которая сама пугалась от одноклассников.

Я планировал сразу оставить Асахину и уйти, но свободных рук из-за предποказа тут не оказалось.

— За меня можешь не беспокоиться. Спасибо тебе, Аянокоджи-кун. Вот отдохну немного и как огурчик буду.

Я сел на корточки и принялся осматривать лодыжку Асахины.

— Т-ты чего?

— Дай-ка взглянуть.

— Х-хорошо...

Для легкого ушиба нога слишком быстро начала опухать. Если она не получит необходимое лечение, могут возникнуть осложнения.

— Думаю, тебе лучше сходить в медпункт. Нехорошо будет, если отстранят от культурного фестиваля, не думаешь?

— Ты прав, пожалуй. Да, так и сделаю.

Она поднялась самостоятельно, но как только сделала шаг, поняла, что не в силах вынести боль, поэтому решила ковылять на одной здоровой левой ноге.

Однако в припрыжке колебания передавались на правую ногу, отчего на лице появлялась гримаса боли.

— Давай все же помогу.

— Ух... Но ведь...

Может ей и стыдно, но я думаю, что есть и другая причина, почему она отказывается от моей помощи.

— Дело в президенте ученического совета Нагумо?

— ...Как ты узнал?

— Да так. Просто догадался.

— Если он застанет тебя с кем-то из учеников класса А, наверняка хорошего будет мало. Нельзя же, чтобы из-за меня у тебя возникли проблемы.

Похоже, обо мне она беспокоится больше, чем о своей травме.

— Насчет этого не переживай. Президент Нагумо не станет ко мне цепляться.

— Ты так думаешь?

— Наверняка он понял, что просто переоценил меня.

Я решил подставить Асахине руку и отвести ее в медпункт.

— Спасибо тебе.

Мы довольно сильно бросаемся в глаза, что не совсем хорошо, но с этим ничего не поделаешь.

Она облокотилась на меня, и, ловя на себе любопытные взгляды учеников, мы наконец-то добрались до медпункта.

Медсестра сразу распорядилась усадить Асахину на койку. Ей сказали немного подождать, поскольку нужно подготовить все необходимое. Я подумал, что пришло время оставить ее, но стоило повернуться спиной, как меня окликнули:

— Кстати говоря, Аянокоджи-кун, похоже, у твоего класса большие неприятности.

Упустив момент, когда можно было выйти из медпункта, я вступил в разговор.

— Речь про утечку о мэйд-кафе?

— Да.

Этим утром Рьюен воплотил коварный план.

Теперь о нашем мэйд-кафе, которое мы готовили в тайне, знает вся школа.

Разумеется, если о проекте становится известно еще на раннем этапе, то в основном это несет в себе много негативных моментов.

— Все-таки класс С... класс Рьюена также вознамерился выступить со своим кафе.

Все просто: как только появляется конкурирующее заведение, начинается борьба за посетителей со схожими предпочтениями.

— Ладно если два класса сражаются одинаковыми проектами, главное, чтобы никто больше не последовал этому примеру.

— Если одно и то же представят уже три или четыре класса, борьба за клиентов выйдет жесткой.

Попытка угнаться за кем-либо лишь увеличит риски.

Тем не менее, даже если между делом разработать стратегию для своего заведения, победить нас с учетом уже вложенных нами средств будет не так-то просто.

Вскоре медсестра принесла бинты и лекарства, необходимые для перевязки. Я же остался наблюдать за оказанием медпомощи. Много времени перевязка не заняла. Несколько дней покоя и она вновь сможет передвигаться без проблем.

Как только стало понятно, что травма не отразится на участии в фестивале, Асахина выдохнула от чувства облегчения и той боли, которую терпела все это время.

— А-ах, повезло. Как же мне не хотелось из-за этого доставлять неприятности нашему классу.

— Вы ведь все равно не потеряли бы своего доминирующего положения, разве нет? Стоит ли тогда из-за этого волноваться?

Даже если на культурном фестивале они займут последнее место, классные очки от этого не потеряют.

— Что ты такое говоришь? Классных очков много не бывает. К тому же есть много недовольных, что Мияби в этот раз пустил все на самотек. — Асахина прикрыла глаза и продолжила: — А ученикам, чья победа еще не гарантирована, нужны очки, и как можно больше, так? Если занять первое место на фестивале, то они смогут получать больше приватных баллов вплоть до самого выпуска.

Учитывая правила подконтрольного Нагумо третьего года, желание, чтобы из класса А выпустилось как можно больше людей, вполне объяснимо. Судя по всему, для класса А невыносимо закрывать глаза на всех тех, кто оказался в классе В и ниже.

— А еще, кажется, в классе, что займет лидирующее место в соревновании классов В-D,

выберут одного ученика для перевода в класс А.

Тогда со стороны трех других классов явного недовольства уже не будет, так?

И тем не менее, если не демонстрировать твердую решимость заполучить в свои руки больше классных очков, успокоить всех полностью не получится.

Скорее всего, давление на класс 3-А со временем будет только нарастать, если они решат отказаться от победы.

— Возвращаясь к предыдущему разговору... Аянокоджи-кун, ты сказал, Мияби понял, что переоценил тебя, верно?

— Да.

— Я сперва тоже так подумала. Но, возможно, на самом деле это не так.

— Почему?

— Вы же не разобрались окончательно, кто из вас победил, а кто проиграл?

— Да, не разобрались.

Мы с Нагумо так ни разу и не выясняли отношения в прямой схватке.

— Вот поэтому мне кажется, что ничего еще не закончилось.

— У меня все равно нет желания. И не думаю, что он сможет переубедить меня.

Попытки Нагумо склонить меня к чему-либо окажутся пустой тратой времени.

— Наверное, твои желания значения не имеют. Скорее... все может стать только хуже, чем сейчас. Даже если тебя он не тронет, Аянокоджи-кун, то может сделать что-то с близкими тебе людьми.

Некоторые моменты разглядеть может только Асахина, которая находилась рядом с Нагумо и наблюдала за ним три года.

— Нагумо любит меряться силой, как это было в случае бывшего президента Хорикиты.

— А... Да, это уж точно.

— Он когда-нибудь проигрывал кому-то? Допускал хотя бы небольшие промахи?

Хотя, учитывая поведение Нагумо, ответ напрашивается сам собой...

— Мияби... еще ни разу не ошибался. По крайней мере, насколько мне известно.

Одноклассники Нагумо твердо уверены в его победе.

— Президент ученического совета Нагумо - выдающийся человек. Это неоспоримый факт. Если бы его способности были пустым звуком, он не смог бы ни представить «ОИС» под другим углом, ни стать президентом.

Есть немало того, чего нельзя достичь лишь выбранной стратегией.

— Ему нравится быть первым. Поэтому он боролся, чтобы стать первым даже в этой школе. В итоге смог забраться на самую вершину - пост президента ученического совета. Он действительно из тех, кто не бросает слова на ветер.

— Тем не менее если спросить меня, является ли Нагумо номером один, я сразу скажу «нет».

— И почему?... Он же никому еще не уступал.

— Я считаю, ему просто везло с противниками.

Нагумо отнюдь не слаб. Однако в слабости его противников сомневаться не приходится.

— Его самое большое несчастье заключается в том, что на его параллели никто ему не ровня, а значит и противопоставить что-либо они тем более не могут.

— Получается... у него не было достойного противника?

— Именно.

К сожалению, Нагумо приходилось тягаться лишь с противниками более низкого ранга, за счет этого он смог без труда удержаться на первом месте. Разумеется, на старте он вполне мог занимать и второе, и третье, однако сразу вырывался вперед и оставлял соперников далеко позади.

В конце каждой финишной прямой он оглядывался назад, а позади не оказывалось никого.

Оставив надежды победить Нагумо, все только и делали, что переходили на шаг или же останавливались.

Наверняка временами вокруг него собирались люди, скрывающие таланты, вроде Кирюин, но если они не пытались догнать и обогнать Нагумо, то ничем не отличались от сорняков и камней на обочине дороги.

Пожалуй, причиной искаженного мышления Нагумо можно назвать то, что с малых лет он так и не познал всю суровость и тяжесть соперничества, а также горечь поражения.

А направленная против меня странная месть продиктована не комплексом неполноценности, поражениями или изъями, а обычным стремлением вытащить меня на всеобщее обозрение.

Когда Нагумо предложил сойтись в состязании один на один на спортивном фестивале, он даже не думал о возможном проигрыше. Разумеется, с этим ничего не поделать, он ведь не знал обо мне всего. Но даже если бы он своими глазами увидел, на что я способен, все равно не допускал бы вероятность своего проигрыша.

Он просто не знал поражений, в прямом смысле. Таково негативное последствие нескончаемых серий побед.

— Хорошо бы он прекратил сражаться в этой школе.

— Как знать.

— Просто хочу обойтись без происшествий...

Пожалуй, этому сбыться не суждено.

На культурном фестивале косвенно прослеживаются перемены в поведении Нагумо, которое стало откровенно странным.

В глазах толпы, у Нагумо просто начинают пропадать воинственность и любопытство.

Однако все не так.

Это лишь затишье перед бурей.

Нагумо явно затевает что-то против меня... Нет, меня он обойдет стороной, а вот насчет

остальных...

Возможно, дело не ограничится исключением одного-двух человек.

Должен ли я считать это расплатой за то, что игнорировал Нагумо?

Если оставить без внимания эту бомбу, готовую вот-вот взорваться, можно ждать обрисованные мной события.

Помнится, Манабу так и сказал: «Нагумо своими методами обречет множество людей на несчастье».

Отчасти он был прав. Конечно, отрицать свою роль в этом не стану, но этот вариант изначально теплился на эмоциях и образе мышления Нагумо.

Вместе с тем Манабу отчасти и ошибался.

Ведь именно благодаря действиям Нагумо, ученики, которые, по задумке, не должны быть выпущенными из класса А, получают на это шанс.

И речь не только об учениках третьего года обучения, первогодки и второгодки также получают лимитированные тикеты на переход в другой класс. Хотя их применение и ограничено, но при Манабу подобного не было вовсе.

Прежний я просто остался бы в стороне и наблюдал за действиями Нагумо...

— Теперь меня немного заинтересовал президент Нагумо.

— Ты меня вообще слушал?

— Конечно.

Во мне начинает просыпаться интерес, какой я никогда не испытывал прежде.

— Какой же ты все-таки странный. — Асахина бросила взгляд на перебинтованную ногу и слегка улыбнулась. — Хотя ваша встреча и была случайной, возможно, именно поэтому Мияби так жаждет сразиться.

Если так подумать, первая моя встреча с Асахиной тоже оказалась в значительной степени следствием «случайности».

Случайность... Вот как?

Во время нашего разговора я вывел одно умозаключение.

Случайность, о которой она говорила, была неподконтрольна.

Тем не менее это не значит, что ею нельзя управлять вовсе.

Поскольку так называемая «случайность» может сильно меняться в зависимости от точки зрения и взгляда.

Асахина Назуна и ее амулет, случайность и Нагумо Мияби.

[П/Р: Речь о важном для Асахины амулете, который она потеряла в 7 томе 1 года обучения. Аянокоджи нашел его и отнес охранникам в общежитие. В 8 же томе 1 года обучения Асахина узнала, что именно он помог ей вернуть его, тогда-то они и познакомились.]

Довольно неплохо для тестового кейса.

Ведь за чередой неудачных экспериментов непременно следует успех.

Часть 5

Оставив Асахину в медпункте, я вернулся в спортивный зал.

Еще одна вещь заинтересовала меня в Канзаки, к тому же я хотел понаблюдать за поведением Ичиносе, которая, по моим расчетам, должна была уже вернуться. Чтобы сильно не выделяться и не повторять ту же сцену вновь, я отошел в сторону, подальше от входа.

В очереди Канзаки не видно. Возможно, он зашел внутрь, а может, уже вообще ушел. Хотя, судя по поведению, он в любом случае должен был дождаться Ичиносе.

Когда я провожал травмированную Асахину, возник знатный переполох, поэтому Канзаки, ждавший моего ухода и возвращения Ичиносе, вряд ли бы не заметил происходившее.

На поход в медпункт и обратно ушло где-то минут пятнадцать. Если после моего ухода она сразу вернулась – это одно дело, но если она отошла подальше, то к этому моменту может еще находиться внутри.

Продолжая общее наблюдение, я отдельно обращал внимание на всех выходящих учеников.

Прошло еще несколько минут.

Из выхода неспешно вышел Канзаки.

«Так и знал, он все еще в спортзале», – подумал я, но затем удивился.

Я был совершенно уверен, что Ичиносе должна быть вместе с ним, однако Канзаки вышел один. Вряд ли она задерживается внутри, так как назад он не оглядывается.

Думал, Канзаки просто направится к выходу, но посмотрев по сторонам, он заметил меня и после нескольких секунд пристального разглядывания направился ко мне.

— Вернулся-таки? Похоже, травма оказалась не такой серьезной?

Вряд ли бы я стал прохладиться тут, если бы она оказалась серьезной. Наверняка именно на этом основывается догадка Канзаки.

— Удивлен, что Ичиносе не со мной?

— Немного, если честно.

— Я не стал звать ее, потому что опасался, что вы столкнетесь друг с другом во время твоего возвращения из медпункта. Тем более сегодня не последний день предποказа.

То есть Ичиносе торопиться незачем, у нее еще будет время тут осмотреться?

Похоже, в какой-то мере в их классе уже определились с программой. Иначе бы им пришлось двигаться на ощупь и не обращать внимание на мое присутствие.

— В продолжении того разговора... Кажется, у вас в классе дела идут как надо.

Очевидно, он указывал на цепочку экзаменов на втором году обучения: от необитаемого острова до «Единогласного решения» и далее.

— Не то чтобы мы обошлись без потерь. В отличие от твоего класса, у нас есть выбывшие. И некоторые негативные моменты не отследить по классным очкам, которые видны со стороны.

— Не только вы столкнулись со скрытыми рисками. А если отталкиваться от преимуществ на поверхности, то вы далеко впереди.

Канзаки сейчас говорит не столько из зависти, сколько открыто высказывает свое мнение.

— Классу, подобному вашему, однажды придется сразиться с классом Сакаянаги.

Любопытство вызвала отстраненная оценка Канзаки: он словно совершенно ясно представлял себе положение собственного класса.

— Уже отказались от идеи подниматься до класса А?

— ...Можно и так сказать.

Ответ Канзаки прозвучал скорее утвердительно, чем отрицательно.

Не так-то трудно догадаться, что у него сейчас на душе.

Результаты класса Ичиносе ни в коем случае нельзя назвать катастрофическими. Из-за прилежности они почти не теряют очки за опоздания, отсутствия на уроках и проблем с дисциплиной. К тому же они редко допускают серьезные ошибки на специальных экзаменах, поэтому риск значительной потери классных очков в их случае минимален. Но, с другой стороны, им никак не выпадает возможность совершить значительный прорыв на тех же специальных экзаменах.

— Никто не замечает, как положение нашего класса продолжает постепенно ухудшаться. Было бы забавно, если они только делали вид, но нет, они, похоже, искренне еще на что-то надеются.

— Выходит, с тобой все по-другому.

— Было по-другому, до недавнего времени. Только нет смысла устраивать мятеж в одиночку.

— Другими словами, ты просто сдался?

— Класс А нам не светит.

А вот сейчас Канзаки высказался предельно ясно.

— Если вероятность нулевая, остается пробиваться другими способами. Раз уж мы идем ко дну, то нужно устроить все так, чтобы у как можно большего числа людей был шанс выбраться.

— Переход в другой класс за двадцать миллионов частных баллов?

— То, что президент ученического совета Нагумо реализует на практике, приносит свои плоды. На сегодняшний день у Ичиносе уже собрана некоторая сумма частных баллов. Если добавить еще, в класс А можно будет перевести по меньшей мере два-три человека. К тому же на спортивном фестивале было впервые заявлено о существовании тикетов на переход в другой класс. Разумеется, так просто их не заполучить, но увеличение количества вариантов – это уже настоящий повод для радости.

— И чего ради ты рассказываешь мне о вашей внутренней кухне? Ведь не чтобы сорвать планы?

— Интересно, почему же? Я и сам не понимаю, зачем это делаю.

Да, очень содержательно.

Стоило ответить на вопрос, как он сам начал догадываться, насколько несуразным был его ответ.

— Некому было выговориться. Может, поэтому.

Проблемами из повседневной жизни он мог поделиться с кем-то из близкого окружения вне зависимости от класса, а потом вместе прийти к решению. Но если дело касается самого класса, ответ неизбежно придется искать у одноклассников.

«Нам ни за что не добраться до класса А, а значит единственный выход – перевод».

Если озвучить нечто подобное, это вызовет диссонанс. А в случае класса Ичиносе добиться признания идеи будет в принципе невозможно.

— Ты единственный, на мой взгляд, человек, который понимает, о чем я говорю, – и потому не станешь бездумно об этом разбалтывать.

То есть он счел меня наиболее подходящим кандидатом, чтобы излить душу.

Разумеется, дело может быть не только в этом.

Похоже, ко всему прочему, он также держит на меня обиду за оказываемое на Ичиносе влияние.

— Мне плевать, какие у тебя отношения с Ичиносе, и что между вами произошло. И негативное от этих отношений влияние, которое не дает нам провести полноценную разведку, – это так, цветочки.

— Твои слова звучат обидно, знаешь ли...

— Что же, прошу прощения. Я уже давно от чувства безысходности не могу избавиться.

Канзаки приподнял руку, сообщая о своем уходе.

Глядя вслед советнику, отказавшемуся от победы класса, мне показалось, будто его плечи понурены еще сильнее обычного.

Будет немного грубо, если я сейчас окликну Канзаки, но нельзя же вот так отпускать его.

— Не сможешь в ближайшее время уделить мне время? Хотел бы поговорить с тобой о том, что будет дальше.

— Ближайшее? Побеседовать насчет твоего «дальше» я могу и сейчас.

— Извини, но пока я хочу изучить проекты третьегодок.

К тому же, даже если обсудим все сейчас, ни к чему конкретному не придем.

Для разговора о дальнейшем необходим кусочек пазла, который откроет путь для шага вперед.

— Раз так, то ладно. Связывайся в любое время.

Часть 6

Пятница, конец учебной недели.

Чтобы встретиться с одним учеником, я отправился в место, куда обычно не захожу.

После стука дверь кабинета ученического совета открылась, и за ней показался Нагумо, на лице которого на мгновение промелькнуло удивление.

Кроме Нагумо внутри не видно ни учителей, ни других учеников. Как и говорила Асахина, сегодня он один.

Наверняка он даже представить себе не мог, что приду к нему я.

В левой руке у него телефон, должно быть, смотрел в него незадолго до моего прихода.

Хоть я и оказался незванным гостем, Нагумо не стал меня прогонять и впустил внутрь.

— Прошу прощения.

Как только дверь в кабинет захлопнулась, мы остались наедине в полной тишине.

— Я ждал только из-за слезной просьбы Назуны, но даже в мыслях не было, что посетителем окажешься ты. У тебя какое-то дело к совету?

— Нет. К совету никаких дел. Я пришел по личному вопросу, президент Нагумо.

После этих слов он уселся поглубже в кресле и положил находившийся в руке телефон на стол.

— Если так, мне остается только похвалить тебя за то, что осмелился показаться мне на глаза. Смелости тебе не занимать, да, Аянокоджи?

— Наверное, ты насчет спортивного фестиваля. Плохое самочувствие считается обоснованной причиной неявки, разве нет?

— Не смей меня! Есть люди, видевшие тебя совершенно здоровым в торговом центре Кёяки прямо на следующий день после фестиваля.

— Поправился за один день.

— Очевидная ложь.

— Или простая правда.

Это была лишь небольшая игра слов, но, видимо, Нагумо посчитал, что потакать ей бессмысленно.

— Ложь, правда - какая теперь разница. Как бы то ни было, расскажешь наконец, чего ради ты сюда пришел?

Похоже, его явная неприязнь искренняя. Он даже не пытается скрыть желание поскорее закончить этот разговор и уйти отсюда. Однако настолько очевидное пренебрежение может свидетельствовать о том, что свои истинные намерения он пытается скрыть.

— Могу я присесть? Думаю, разговор может затянуться.

— Твои дела не связаны со мной, как с президентом ученического совета, ты ведь сам это сказал, так? А значит могу и отказать?

Будучи главой ученического совета, он готов слушать даже тех, кто ему не нравится. Но раз разговор не связан с советом, похоже, он не хочет на это подписываться. Вполне ожидаемо.

— Если нет желания слушать, я пойду.

Раз для Нагумо разговор со мной настолько обременителен, то ничего не поделаешь. Хотя, скорее всего, это не так. Если бы он окончательно потерял ко мне всякий интерес – это одно дело, но я вижу, что где-то в глубине души у него все еще теплится огонек. Следовательно, он ни за что не откажется. Об этом я могу сказать с уверенностью, именно поэтому выделил драгоценное время и пришел сюда.

После непродолжительного молчания Нагумо знаком велел мне сесть.

Я передвинул стул и сел так, чтобы оказаться прямо напротив него.

— Ты уж извини, но напитков у меня нет.

— Не стоит беспокоиться.

По моему настрою можно сразу догадаться, что пришел я сюда отнюдь не ради извинений. А вот на лице Нагумо читается немой вопрос: «Зачем ты пришел?».

— Знаешь, я никак не ожидал, что класс 3-А устроит предпоказ. При обычных условиях демонстрация проекта будет невыгодной.

— До меня тут слухи дошли, у одного класса придурков раскрыли содержание программы.

— Колкое замечание. Кстати говоря, Рьюен уже заявлялся к тебе?

— Примчался на всех парах, чтобы предложить пари на десятки миллионов.

— И, видимо, получил отказ.

— Моя школьная жизнь закончилась с окончанием нашего состязания, этого уже ничто не изменит. До культурного фестиваля теперь мне тем более дела нет. А раз так, то мне нет смысла раздавать указания. Просто дам остальным волю творить все, что хотят, до самого выпуска. Пусть у них останутся хорошие воспоминания.

Оставить открытым вопрос об организуемом проекте и дать насладиться культурным фестивалем, как это делают в самых обычных школах. То есть теперь он занял такую позицию?

Займет ли класс 3-А первое место или же двенадцатое, его положение не изменится. При этом Нагумо все равно, что это вызовет еще большее недовольство у других классов параллели.

— Но... пари на десятки миллионов? Даже если собрать со всего класса, нужная сумма не наберется.

Несмотря на некоторые поступления, класс Рьюена имеет колоссальные расходы, их финансовое положение явно оставляет желать лучшего.

— Он сказал, что даст право исключить любого ученика по своему усмотрению. Включая его самого.

Иначе говоря, он собирался заложить одноклассников в счет той суммы, которую не смог бы собрать.

— Годом ранее я бы охотно принял его предложение. Было бы интересно заключить пари, где есть шанс исключить ученика с другой параллели, — сказал Нагумо, который уже потерял энтузиазм и интерес к этой школе. — Если хотите потягаться друг с другом, то поступайте, как хотите. Вы вольны делать что вздумается.

— Личная позиция мне понятна. Но много ли довольны ею?

— Никто мне слово поперек не вставит. Иначе нельзя будет гарантировать классу А сохранение его статуса. Как придет время, я лично... Нет, я от лица президента ученического совета сделаю заманчивое предложение. Так сказать, немного помогу классам, которые отчаянно пытаются победить.

— Даже так. А ты многое успел обдумать.

— Я ведь, как-никак, президент ученического совета, — дав образцовый ответ, Нагумо тяжело вздохнул и подтолкнул меня. — Что же, давай послушаем твое дело.

— Я хочу просто поговорить с тобой, президент Нагумо. Только и всего.

— Все еще не понимаю, к чему ты клонишь.

— Потому что сложно поверить из-за внезапности? Я тоже слегка удивлен своими действиями. Ведь до сих пор я старался увеличить между нами дистанцию.

Это Нагумо сам знал. Но чего он, скорее всего, не знал, так это о причинах, почему я поступал именно так.

— Знаешь, почему?

— Да кто тебя знает? Может, ты просто боишься моих способностей?

— В отличие от бывшего президента ученического совета Хорикиты Манабу, ты притягиваешь к себе взгляды окружающих. Слишком ослепителен, чтобы живущий в тени человек, такой как я, мог противостоять тебе на равных. Вот и вся причина.

— Ясно. Но это лишь красивые слова, да?

Нагумо велел раскрыть истинные намерения, скрывающиеся за этими ничего не стоящими напускным реверансами.

— Просто мне было неинтересно.

Если говорить прямо и ничего не скрывать, то больше мне добавить нечего. Я признаю, он обладает кое-какими способностями, но не более. Поэтому и посчитал, что мне необязательно участвовать в задумках Нагумо.

— Скажи мне это кто другой, я бы, скорее всего, вышел из себя.

— Если мои слова тебя оскорбили...

— Извинения ни к чему. Ты волен составить любое мнение. К тому же это я велел сказать все начистоту. — Затем Нагумо сразу добавил: — Хотя опять же, скажи это кто другой, я бы немедленно заставил передумать.

Нагумо без колебаний смог бы загнать своего собеседника в угол, пробудив интерес против воли. Учитывая его силу и власть, это было бы не так уж и сложно.

— Уже совсем скоро срок твоих полномочий президента ученического совета подойдет к концу, и тогда ты будешь доучиваться в классе А вплоть до выпуска. Я думал, что это даже будет к лучшему. До недавнего времени.

— Хочешь сказать, сейчас ты считаешь иначе?

— Я изменил мнение. Мне показалось, что сейчас можно встретиться лицом к лицу, поэтому и пришел.

Не стоит дурачить его и одаривать неприкрытой лестью, изображать притворную радость или гнев.

Лучше просто выложить что на уме, а дальше это может сыграть мне на руку.

Теперь я скажу Нагумо, кто ждет моего ответа, основную цель моего визита.

— Президент ученического совета Нагумо, у меня есть предложение. Могу теперь я предложить поединок?

Наверняка у Нагумо и в мыслях не было, что я скажу нечто подобное.

— Это на тебя не похоже. Не нравится мне это.

По всей видимости, Нагумо мой ответ про изменение мнения не устроил.

— Понятия не имею, когда произошла эта твоя перемена, но ты опоздал – упустил последний шанс, который я тебе дал на спортивном фестивале. Если верить твоим словам, тебе было неинтересно, так?

— Верно. Думаю, оправдание вышло удобным.

— Ага, не то слово. Ты не в первый раз самолично отказываешься от предоставленной возможности, а теперь просишь о поединке просто потому, что передумал. Считаешь, я послушно соглашусь? — Нагумо, не меняя позы, продолжал демонстрировать отсутствие сдержанности. — То же касается и спортивного фестиваля. Хотя ты и сказал о проблемах со здоровьем, но я считаю это откровенной ложью. И не говори только, что забыл о произошедшем на необитаемом острове!

— Хочешь повторить ту же сцену, только в этот раз поменяемся местами?

Если Нагумо разок ударит меня в живот, это можно будет засчитать в качестве извинений. Хотя он не тот человек, который удовлетвориться только этим.

— Надеешься отделаться одним ударом? Даже не смешно. Между нами огромная разница в цене.

Ожидаемо. Предложение даже не обсуждается.

В рамках этой школы между Аянокоджи Киётакой и Нагумо Мияби существует весьма очевидная разница. С одной стороны – самый заурядный ученик класса 2-В, с другой – лидер

класса 3-А и по совместительству президент ученического совета. «Отличия в силе» настолько велики, что даже не подлежат сравнению.

— В общем, припираться к стенке смысла нет, просто забудь об этом. Но имей в виду: я могу бросить тебе вызов, а ты нет. Понятно?

— Понятно, но как раз про этот случай давай и забудем. Я сижу сейчас прямо перед тобой и говорю, что не против сразиться. Неужели этого недостаточно?

Нарочно поранить палец, чтобы подразнить жаждущего крови волка.

Но волк передо мной сидит смирно и на это не реагирует.

Теперь он не пытается беззаботно меня спровоцировать, как делал это постоянно, вместо этого он проявляет избыточную осторожность. Если бы Нагумо не видел во мне противника, уже давно бы вцепился клыками. Он может этого не осознавать, но эта бдительность – доказательство, что он признает во мне врага.

— Все-таки какой же ты странный, раз нисколько не боишься иметь дело со мной. Хотя не только со мной, был же еще Хорикита-семпай.

Нагумо посмотрел в окно, словно в этот момент предался воспоминаниям о временах, когда рядом был Хорикита Манабу.

Изначально он желал сражения именно с Манабу, а не со мной.

Хотя его мечта не сбылась, но и других альтернатив у него нет.

— Хорошо, допустим... Тогда каким образом мы будем состязаться? Половина второго триместра прошла, а за ним идет третий. Думаю, ты уже знаешь, но я дал ребятам из класса полную свободу действий относительно борьбы за итоговую выручку на культурном фестивале. Не могу же я сейчас пойти и отменить это. А если ждать следующего специального экзамена, то нет гарантий, что соревнования пройдут между параллелями.

Довериться судьбе, сохранять надежду и ждать следующего сражения, проводимого между всеми классами. Не то чтобы это было невозможно, но и назвать реалистичным тоже нельзя.

— Конечно, о серьезном состязании в условиях разных параллелей не может идти и речи. Ты же сам это понимаешь, не так ли? – так было с предыдущим президентом ученического совета.

На прошлом спортивном фестивале и в лагере Нагумо упорно бросал вызов Хориките Манабу. Он решительно настаивал выяснить, кто из них сильнее, какую бы форму не принимало

состязание, и каким бы незначительным оно ни было. Однако Манабу ловко справлялся с провокациями Нагумо и избегал полномасштабных состязаний.

— Я это понимаю лучше всех остальных. Знаешь, как сложно было все организовать? И я говорю не только про этот год. В прошлом, причем по твоей вине, у меня не получилось устроить поединок с Хорикитой-семпаем.

Исходя из слов Нагумо, мое существование особого восторга у него не вызывало.

— Сначала выслушай меня, а потом решай, состоится наше противостояние или нет.

Услышав это, Нагумо сменил позу, усевшись поглубже в кресле.

В устраиваемых школой специальных экзаменах слишком много неизвестных, поэтому я приготавливаю ему сразу несколько сценариев.

В каком бы виде ни проходило наше противостояние, существуют разные способы его реализации.

Когда я закончил, Нагумо молча погрузился в размышления.

— Не уверен, получится ли воплотить это в жизнь точь-в-точь на все сто процентов, но устроить можно.

— Соглашусь. Ты правда сможешь осуществить этот план?

— Наверняка кое-какая картина в голове у тебя вырисовывается, президент Нагумо. Ты смотришь на нее изо дня в день, а значит, понимаешь и все детали.

— Вот как. В тот раз я собирался выбить тебя из седла, но ты не только бровью не повел, так еще и воспользовался этим?

— Так что, согласен на мое предложение или нет?

Пожалуй, я что-то сильно разговорился. Однако обработка Нагумо посредством беседы является необходимостью для этих переговоров.

— Я ничего не имею против...

Несмотря на положительный ответ, в его слова был вложен иной смысл.

— Но чего ты добиваешься на самом деле?

— Все еще не веришь мне? Я просто хочу потягаться с тобой, президент ученического совета.

— Нет, не могу поверить, — мгновенно ответил Нагумо, словно был в этом убежден.

Я даже немного обрадовался этому. Теперь осталось только подождать, что он скажет дальше.

— Давай ближе к делу. Принять твоё предложение или нет решу после.

Раз подготовка прошла успешно, я могу смело перейти к другой теме.

— У меня есть одна просьба, президент Нагумо.

Я принялся объяснять суть просьбы и конкретный исход, к которому она должна привести.

Выслушав меня, Нагумо снова уселся поглубже в своём кресле президента ученического совета, которое он продолжал занимать вот уже целый год.

— К чему ты клонишь я понял. Но выходит, ты предложил мне сразиться не потому, что хочешь этого, а чтобы добиться желаемого. Я прав?

— Только отчасти. То, что я хочу сойтись с тобой в поединке, потому что изменил мнение, — это правда. С другой стороны, это будет тот ещё геморрой.

— Смотри, какой честный.

— Вот почему я хотел бы, чтобы ты предварительно согласился на то, о чём я рассказал.

— Ну ты и клоун. Пускай ты заявился просить о состязании, но у всякой наглости есть предел.

— Отрицать не стану.

— Ты правда думаешь, что я стану участвовать в твоих играх?

— Откажешься, на этом все кончится. Я никогда не сойду с тобой в поединке. Даже если ты попытаешься использовать кого-то из моего класса или же из параллельного. Даже если возьмешь кого-то в заложники, я полностью это проигнорирую.

— А я вот не уверен. Допустим, случайного человека ты действительно можешь бросить на произвол судьбы, а что тогда насчет Каруизавы Кей?

И тут Нагумо упомянул Кей, чтобы выбить меня из колеи.

— Неважно, кто это будет.

На мой ответ без колебаний Нагумо перестал улыбаться.

— Быстрым ответом хочешь заставить меня думать, что это не сработает? Хотя не похоже...

— Я отнюдь не всеведущий и всемогущий бог. Будь то Кей или же кто-то еще из моего класса, я не могу оберегать их двадцать четыре часа в сутки все триста шестьдесят пять дней в году. Как президент ученического совета, ты обладаешь наибольшим влиянием и можешь контролировать изрядную часть учеников. А значит, тебе под силу исключить кого угодно, причем даже так, чтобы я об этом не догадывался, было бы только желание.

Разумеется, на это понадобятся определенные усилия, сопряженные с риском возмездия, но кого это волнует?

— Кого бы ты не попытался убрать, с тобой я дел иметь не буду.

И это не уловка. Улыбка спала с лица Нагумо как раз потому, что я говорю искренне.

— Выходит, единственный вариант поразвлечься с тобой – это согласиться на предложение?

— Конечно, я не стану возражать, если ты просто закроешь глаза и спокойно проучишься себе до самого выпуска.

— Но без моей помощи у тебя будут проблемы, не так ли?

— На этот случай у меня заготовлен другой план.

Так и есть: мне необязательно было приходиться к Нагумо ради этого разговора. Но я пришел из-за уже названной причины. Обратиться к Нагумо меня побудило желание потягаться.

Следующий ответ Нагумо полностью определит исход.

Настал решающий момент, и сейчас станет ясно, состоится ли наше сражение или нет.

— По рукам. Ты меня уговорил, Аянокоджи. Я так или иначе выпущусь из класса А. Поиграть с тобой напоследок и закончить на этой ноте... Звучит неплохо.

Он ни на секунду не допускает своего проигрыша, даже представить себе такого не может. Вот она, абсолютная уверенность человека, самонадеянность которого обусловлена нескончаемой чередой побед.

— Весьма признателен.

— А ты точно уверен? Если следовать твоему плану... Как бы ты ни вляпался, пострадают окружающие тебя люди.

— Конечно уверен. Впрочем, ты бы все равно наложил на них руки, президент Нагумо.

Тот на мои слова отреагировал весьма остро.

— Ах ты...

Президент Нагумо вскочил и приблизился ко мне.

— Ты знал?

— Хоть и на расстоянии, но я все же наблюдаю за тобой. И уже догадываюсь, что будет дальше.

Нагумо заявлял, что больше не собирается искать со мной сражения, тем не менее он взял меня на прицел. Думаю, он начнет действовать, пока не стало слишком поздно.

— То есть это касается не только Каруизавы, но и Хонами?

— Как и я и сказал, неважно, кто это будет. Захочешь ты исключить Кей, забавляться с Ичиносе, Хорикитой или еще с кем, лучше не думай, что я изменю свое решение.

Гнусаво рассмеявшись, Нагумо сразу сделался серьезным.

— «Поиграть с тобой», — так я вроде сказал? Беру слова назад. Ты — единственный человек, кого признал Хорикита-семпай. Теперь я убедился, почему.

— Рад это слышать. Ну что же, позволю себе откланяться.

— Эй!

— Что-то еще?

— Признаю, ты отлично разыграл свой покерфейс. И я также понимаю, что такие жесткие переговоры нужны для того, чтобы выманить меня. Поэтому хотя бы раз, но давай начистоту. Неужели ты будешь просто стоять и смотреть, если я и правда соберусь исключить Каруизаву?

— Я бы не хотел, чтобы Кей... или же кто-то другой покинул класс. По крайней мере я буду сопротивляться этому исходу по мере возможности.

— Это не ответ! Ты сейчас говорил только по поводу отсутствия одноклассника. Ты совсем не переживаешь из-за того, что Каруизава, особенный для тебя человек, может просто исчезнуть в один день?

Я задумался.

При обычных обстоятельствах ответ очевиден. Я бы сказал: «Просто пускаю пыль в глаза, чтобы не выдавать своих чувств». Однако для Нагумо этот ответ я счел не лучшим.

— Если исчезнет, значит исчезнет – ни больше, ни меньше. Скорее, мне это только на руку, потому что потом придется меньше со всем разбираться.

— ...Да у тебя реально с головой не все в порядке.

Нагумо впервые выказал потрясение, выдав свое мнение на непостижимый взгляд.

— Позже я снова свяжусь с тобой.

Я вышел из кабинета ученического совета, тихо закрыл дверь и отправился в путь.

По словам Нагумо, у меня не все в порядке с головой, однако это не так. На мой взгляд проблемы с головой у того, кто принимает неверные решения, поддавшись сиюминутным эмоциям.

Причем это справедливо в отношении любого человека, будь то незнакомец, возлюбленный или же член семьи.

Как только допускаешь ошибку и выбываешь, для тебя все кончено.

В приоритете должна быть собственная защита.

Этот «ответ» непоколебим.

Продолжение следует...

Над переводом работала команда RanobeList

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/4241/2291450>